

УДК 159.923:316.6

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

© 2023 г. Т. А. Нестик

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

Доктор психологических наук, профессор РАН,
заведующий лабораторией социальной и экономической психологии.

E-mail: nestik@gmail.com

Поступила 29.01.2023

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к изучению социального оптимизма как социально-психологического феномена, выделены его теоретическая структура и психологические функции. Представлены результаты лонгитюдного исследования, проведенного среди взрослых россиян ($N = 664$, шесть срезов) с 3 марта по 26 декабря 2022 г. и направленного на выявление социально-психологических предпосылок устойчивости социального оптимизма в условиях кризиса. Показано, что социальный оптимизм прямо связан с характеристиками, лежащими в основе жизнеспособности личности: самоэффективностью, субъективным контролем, диспозиционным оптимизмом, опорой на позитивное переосмысление и обращением за эмоциональной поддержкой. При этом субъективный контроль повышает устойчивость социального оптимизма личности в условиях кризиса. Подтверждена гипотеза о том, что социальный оптимизм усиливается социально-психологическими характеристиками, облегчающими консолидацию усилий для совместного ответа на вызовы кризиса: гражданской идентичностью; воспринимаемой социальной поддержкой; сопереживанием другим людям, пострадавшим во время кризиса; генерализованным доверием; доверием к институтам гражданского общества; а также политической самоэффективностью. Напротив, социальный оптимизм негативно связан с верой в опасный мир, социальным цинизмом и конспирологическим мировоззрением. При этом основной вклад в стабильность социального оптимизма вносит коллективная политическая самоэффективность, тогда как социальный цинизм ускоряет его снижение. Результаты исследования позволили выдвинуть предположение о существовании двух дополняющих друг друга механизмов поддержания социального оптимизма: через усиление гражданской идентификации и значимости коллективного будущего для личности (эту роль выполняет ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) и через сопереживание и усиление значимости взаимопомощи в условиях кризиса (под влиянием “индивидуализирующих” моральных оснований заботы о людях и справедливости).

Ключевые слова: социальная психология, социальный оптимизм, коллективная самоэффективность, позитивные иллюзии, гражданская идентичность, оправдание социальной системы, институциональное доверие, психологическое благополучие, моральные основания.

DOI: 10.31857/S020595920026152-3

В общественных науках социальный оптимизм часто рассматривается как одна из характеристик социального настроения — доминантной характеристики общественного сознания и готовности его реализовать на практике с определенной ценностной установкой [12]. Социальный оптимизм считается индикатором реализации основных

социальных потребностей, измеряемым как уверенность респондентов в том, что ситуация в стране будет улучшаться, что страна движется в правильном направлении [1].

В психологической литературе социальный оптимизм понимается прежде всего как генерализованное ожидание благополучного преодоления тех или иных конкретных социальных проблем в будущем: преступности, коррупции, социального неравенства, экономических кризисов и подверженности катастрофам [3; 27]. Он может измеряться и как

¹ Исследование выполнено в рамках проекта “Социально-психологические факторы конструирования образа будущего России разными поколениями россиян в условиях кризиса” (госзадание № 0138-2022-0010).

оценка контролируемости негативных событий, а также вероятности социальных кризисов и техногенных катастроф [21]. Известно, что социальный оптимизм, как правило, ниже, чем диспозиционный оптимизм личности, что принято связывать с низкой оценкой контролируемости коллективного будущего [26].

Собственно социально-психологический подход к изучению социального оптимизма опирается на концепцию коллективной самооэффективности — убеждения членов группы в способности совместными усилиями организовать и реализовать действия, необходимые для достижения тех или иных целей [14; 22; 23]. Именно надежду на благополучное будущее и веру в способность общества справляться с трудностями можно рассматривать в качестве основных психологических компонентов социального оптимизма [20; 22].

Являясь характеристикой коллективного образа будущего [5; 7], социальный оптимизм выполняет ряд психологических функций, важнейшими среди которых являются инструментальная (облегчение постановки коллективных целей и решения проблем в совместной деятельности), сплочивающая (поддержание доверия и взаимопомощи членов группы друг другу) и защитная (защита позитивной групповой идентичности и психологического благополучия членов группы, проявляющаяся в нереалистических позитивных ожиданиях).

В условиях кризиса защитная функция социального оптимизма усиливается, о чем говорят проведенные нами ранее исследования. В частности, нами было проведено лонгитюдное онлайн-исследование с двумя срезами 24 марта 2021 г. и 26 августа 2022 г., в котором приняли участие взрослые россияне ($N = 812$; 45% — мужчины; 55% — женщины; $M_{\text{возр}} = 43.5$; $SD = 12$). Помимо прочих методик в анкету были включены шкала социального оптимизма Т.А. Нестика (см. ниже) и шкала субъективного счастья С. Любомирски в адаптации Е.Н. Осина и Д.Н. Леонтьева. Анализ значимых различий с использованием критерия Вилкоксона показал, что субъективное счастье снизилось (март 2021 г.: $M = 4.71$; $SD = 1.31$; август 2022 г.: $M = 4.52$; $SD = 1.32$; $Z = -5.37$; $p < 0.001$), но при этом уровень социального оптимизма вырос (март 2021 г.: $M = 3.05$; $SD = 0.663$; август 2022 г.: $M = 3.20$; $SD = 0.692$; $Z = -7.22$; $p < 0.001$). О повышении уровня социального оптимизма говорит также сопоставление данных двух репрезентативных общероссийских поквартирных опросов, проведенных нами совместно с Исследовательской группой ЦИРКОН в феврале ($N = 3000$) и ноябре ($N = 4800$) 2022 г. В опросах использовались утверждения

из разработанной нами шкалы социального оптимизма (см. ниже). Как оказалось, в ноябре 61% респондентов в той или иной мере согласились с утверждением о том, что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему (в феврале — 54%), столько же (61%) согласились с утверждением, что наши дети будут жить лучше нас (в феврале — 50%) и 58% — с утверждением, что российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны (в феврале — 45%). На наш взгляд, более высокий уровень социального оптимизма по сравнению с периодом, предшествующим началу специальной военной операции (СВО), может объясняться двумя основными механизмами: мобилизацией ресурсов личности при погружении в затяжной кризис и “позитивными иллюзиями”, через которые реализуется компенсаторная, защитная функция социального оптимизма.

Динамика индивидуального оптимизма неоднократно изучалась в разных контекстах (см., например: [15; 18]), однако лонгитюдных исследований, специально направленных на изучение социального оптимизма, насколько нам известно, ранее не проводилось. Особый интерес в этой связи представляют изменения социального оптимизма в условиях кризиса, так как прояснение социально-психологических факторов, обуславливающих его сохранение вопреки нарастанию социальных проблем, может помочь не только при разработке программ психологической поддержки граждан в нынешних условиях, но и при поиске ответа общества на другие природные и антропогенные угрозы — эпидемиологические, технологические и климатические.

Цель проведенного нами лонгитюдного исследования состояла в том, чтобы выявить социально-психологические предпосылки устойчивости социального оптимизма в условиях военных действий и экономического кризиса. В ходе исследования проверялось несколько *гипотез*.

Во-первых, мы предположили, что социальный оптимизм будет поддерживаться характеристиками, лежащими в основе жизнеспособности личности: самооэффективностью, диспозиционным оптимизмом, опорой на позитивное переосмысление и обращением за эмоциональной поддержкой. *Во-вторых*, мы предположили, что социальный оптимизм в условиях кризиса будет более устойчивым у респондентов, характеризующихся первоначально более высоким уровнем психологического благополучия. *В-третьих*, мы исходили из гипотезы о том, что социальный оптимизм будет поддерживаться социально-психологическими характеристиками,

облегчающими консолидацию усилий для совместного ответа на вызовы кризиса: гражданской идентичностью, воспринимаемой социальной поддержкой, сопереживанием, генерализованным доверием, доверием к институтам гражданского общества, а также верой в способность индивидуальными или совместными усилиями повлиять на принимаемые в стране политические решения. И, напротив, мы ожидали, что социальный оптимизм будут быстрее утрачивать респонденты, характеризующиеся верой в опасный мир, социальным цинизмом и конспирологическим мировоззрением. В-четвертых, мы предположили, что социальный оптимизм будет поддерживаться “эффектами сплочения вокруг флага”, то есть солидаризацией вокруг руководства страны перед лицом внешней угрозы: доверием к федеральной власти, поддержкой СВО, нетерпимостью к критике своей страны, авторитаризмом правого толка, оправданием социальной системы (верой в справедливое устройство российского общества). И, напротив, мы ожидали, что негативное отношение к политической элите будет ускорять снижение социального оптимизма. Наконец было выдвинуто предположение о том, что возраст, а также объем экономических и символических ресурсов (уровень доходов и образование) будут замедлять его снижение в условиях кризиса.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка. Лонгитюдное исследование проводилось с марта по декабрь 2022 г. с привлечением онлайн-панели Анкетолог и включало шесть срезов: 1) 3–4 марта ($N = 1729$); 2) 5–6 апреля ($N = 930$); 3) 30–31 мая ($N = 907$); 4) 5–6 октября ($N = 976$); 5) 30–31 ноября ($N = 608$); 6) 24–26 декабря ($N = 775$). Каждый раз участникам панели по электронной почте рассылалось приглашение принять участие в мониторинге психологического благополучия россиян на основаниях информированного согласия и гарантированной анонимности, при этом за участие в исследовании выплачивалось небольшое вознаграждение.

Во избежание ошибки II рода с помощью модуля Jpower программы Jamovi v. 2.3.21 было определено минимальное количество респондентов в связанных выборках: для выявления эффектов масштаба $\delta \geq 0.2$ со статистической мощностью 0.8 на основании двустороннего критерия и при значимости ошибки I рода $\alpha = 0.05$ нам потребовалось бы 199 испытуемых. Для статистического анализа были отобраны взрослые россияне, принявшие участие, как минимум, в трех волнах нашего исследования (обязательно — в первой, второй

и четвертой) и проживающие в Российской Федерации по состоянию на октябрь 2022 г. Выбор этих критериев включения в выборку объяснялся тем, что первый и второй срезы пришлись на первые 40 дней с начала СВО и позволили зафиксировать реакцию на исторический поворот, произошедший в жизни страны и мира, тогда как четвертый срез был сделан через 14 дней после второго переломного для россиян события 2022 г. — объявления частичной военной мобилизации. Таким образом, в итоговую выборку были включены 664 взрослых от 18 до 85 лет (50.2% ($N = 333$) — мужчины; 49.8% ($N = 331$) — женщины; $M_{\text{возр}} = 44.4$; $SD = 10.8$). Из них 459 человек участвовали в третьем срезе, 386 — в пятом срезе и 489 — в шестом. При обработке пропущенных значений использовался метод максимального правдоподобия при полной информации [13]. По состоянию на октябрь 2022 г. среди отобранных нами 664 россиян 27.6% проживали в Москве или Санкт-Петербурге, 28.5% — в городах-миллионниках, 14.3% — в городах с численностью жителей от 500 тыс. до 1 млн, 12.3% — в городах с численностью жителей от 250 тыс. до 500 тыс., 6.6% — в городах с менее 100 тыс. жителей, а 3.5% — в селах и поселках. Лишь 30% отметили, что под влиянием СВО и санкций их жизнь никак не изменилась. Остальные признали, что им пришлось изменить привычный образ жизни (24%), отказаться от приобретения дорогих товаров (43%), отказаться от планов, таких как ремонт, переезд или получение образования (28%); причем у 25% существенно сократился доход семьи, а 4% потеряли работу или источник дохода.

Инструментарий исследования. Для оценки социального оптимизма использовалась шкала, при разработке которой мы опирались на наши теоретические представления о социальном оптимизме как о феномене, включающем в себя генерализованное ожидание позитивных социальных изменений и оценку способности своей группы к преодолению трудностей. Методика состоит из пяти утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагается оценить по 5-балльной шкале: “Я уверен(-а), что россияне смогут изменить жизнь в стране к лучшему”, “Наши дети будут жить лучше нас”, “Российское общество сможет решить большинство проблем, которые сегодня волнуют жителей нашей страны”, “В ближайшие 3–4 года уровень социального неравенства в нашей стране снизится”, “В ближайшие 3–4 года уровень коррупции в нашей стране снизится”. Апробация шкалы была проведена на выборке взрослых россиян в 2021 г. ($N = 1002$; 45% — мужчины; 55% — женщины; $M_{\text{возр}} = 38.7$; $SD = 12.6$). Конфирматорный факторный анализ показал высокую пригодность

двухфакторной модели с ковариацией ошибок пунктов 1 и 3 ($\chi^2 = 4.58$; $DF = 3$; $p = 0.205$; $CFI = 0.999$; $TLI = 0.998$; $SRMR = 0.006$; $RMSEA = 0.023$ [0; 0.062]). Веса всех переменных, которые входят в соответствующие факторы, значимы на уровне $p < 0.001$. Факторы коллективной самооффективности (пункты 1–3) и позитивных ожиданий (пункты 4, 5) положительно коррелируют друг с другом ($R = 0.635$). Межпозиционная корреляция вопросов с общей шкалой находится в диапазоне от 0.620 до 0.716. Нами не было выявлено достоверных различий по уровню социального оптимизма между мужчинами и женщинами ($F = 0.859$; $p = 0.354$). Шкала продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность как при апробации ($N = 1002$; $\alpha = 0.856$; $M = 2.73$; $SD = 0.878$), так и в первом срезе нашего исследования ($N = 1729$; $\alpha = 0.890$; $M = 2.80$; $SD = 0.961$).

Для измерения субъективного благополучия использовались скрининговые шкалы депрессии и тревоги (PHQ-2 и GAD-2), опросник “Спектр психологического здоровья” К. Киза в адаптации Е.Н. Осина и Д.Н. Леонтьева, шкала тревоги по поводу будущего З. Залеского [9]. Для измерения стратегий совладания в опросник была включена краткая версия методики “Опросник совладания со стрессом” в адаптации Е.И. Рассказовой. Также в анкету первого среза был включен тест диспозиционного оптимизма в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева и Е.Н. Осина.

Для измерения общей самооффективности в условиях кризиса использовалась: 5-балльная шкала из двух пунктов (пример: “Я знаю, что смогу успешно пройти через эти трудные времена, связанные с войной и санкциями, наложенными на нашу страну”; $\alpha = 0.931$). Для измерения воспринимаемой социальной поддержки и сопереживания людям, пострадавшим в ходе СВО, также использовались 5-балльные шкалы ($\alpha = 0.858$ и $\alpha = 0.772$).

Для измерения социально-психологических характеристик личности использовались 5-балльные скрининговые шкалы гражданской идентичности, генерализованного доверия, доверия государству и институтам гражданского общества [6]; модифицированные для массовых опросов 5-балльные сверхкраткие варианты шкал “Общая вера в справедливый мир” К. Дальберта в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер ($\alpha = 0.742$) и социальных верований Дж. Даккита в адаптации Д.С. Григорьева; “Опросник моральных оснований” Дж. Грэхема и Дж. Хайдта [10]; шкала политического и культурного патриотизма, шкала не критичного отношения к своей стране О.А. Гулевич; шкала социального цинизма, т.е. веры в то, что большинство людей готовы

солгать, пользуются другими и нарушают правила [2]; 10-балльный опросник конспирологического мировоззрения М. Брудера ($\alpha = 0.837$); сверхкраткая 5-балльная шкала оправдания социальной системы в адаптации Е.Р. Агадуллиной ($\alpha = 0.760$), шкала воспринимаемой индивидуальной и коллективной политической самооффективности И. Сариевой, а также субшкала антиэлитизма из опросника популизма А. Шульца.

Анализ данных. Для анализа данных нами был использован метод анализа латентных изменений (Latent Growth Modeling) [17]. Анализ проводился с использованием программы Amos v. 26. Простая модель латентных изменений состоит из двух латентных переменных — *Incept* (“начало”, указывающее на выраженность переменной в начале измерений) и *Slope* (“наклон”, отражающий направленность и скорость изменений переменной). Нагрузки “начала” в наблюдаемых переменных во всех срезах лонгитюда были установлены на единице. Нагрузка “наклона” при первом срезе лонгитюда была установлена на нуле, тогда как нагрузка при последнем срезе была зафиксирована на единице. Поскольку у нас не было каких-либо гипотез относительно вида кривой изменений, нагрузки остальных случаев измерения были освобождены. Оценка пригодности модели проводилась по трем показателям, рекомендуемым для такого рода исследований [25]: χ^2 (его значимость сама по себе малоинформативна, учитывая неслучайный характер выборки), *CFA* (сравнительный индекс согласия, должен быть не ниже 0.9) и *RMSEA* (корень квадрата ошибки аппроксимации, хорошими считаются показатели, не превышающие 0.05, а приемлемыми — не выше 0.09).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование анализа повторных измерений ANOVA с помощью непараметрического критерия Фридмана позволяет говорить о наличии изменений в уровне социального оптимизма ($\chi^2 = 61.127$; $df = 5$; $p < 0.001$ (***)). Сравнение средних значений социального оптимизма по всем шести срезам (табл. 1) свидетельствует о том, что снижение общего показателя социального оптимизма произошло между началом марта и началом апреля, затем к концу мая наблюдался его подъем, возможно, связанный с тем, что российская экономика выстояла, несмотря на наложенные на нашу страну санкции. Наконец еще один спад социального оптимизма наблюдался к октябрю 2022 г., что могло быть связано с объявлением частичной военной мобилизации.

Таблица 1. Описательные статистики шкалы социального оптимизма в шести срезах лонгитюда ($N = 664$)

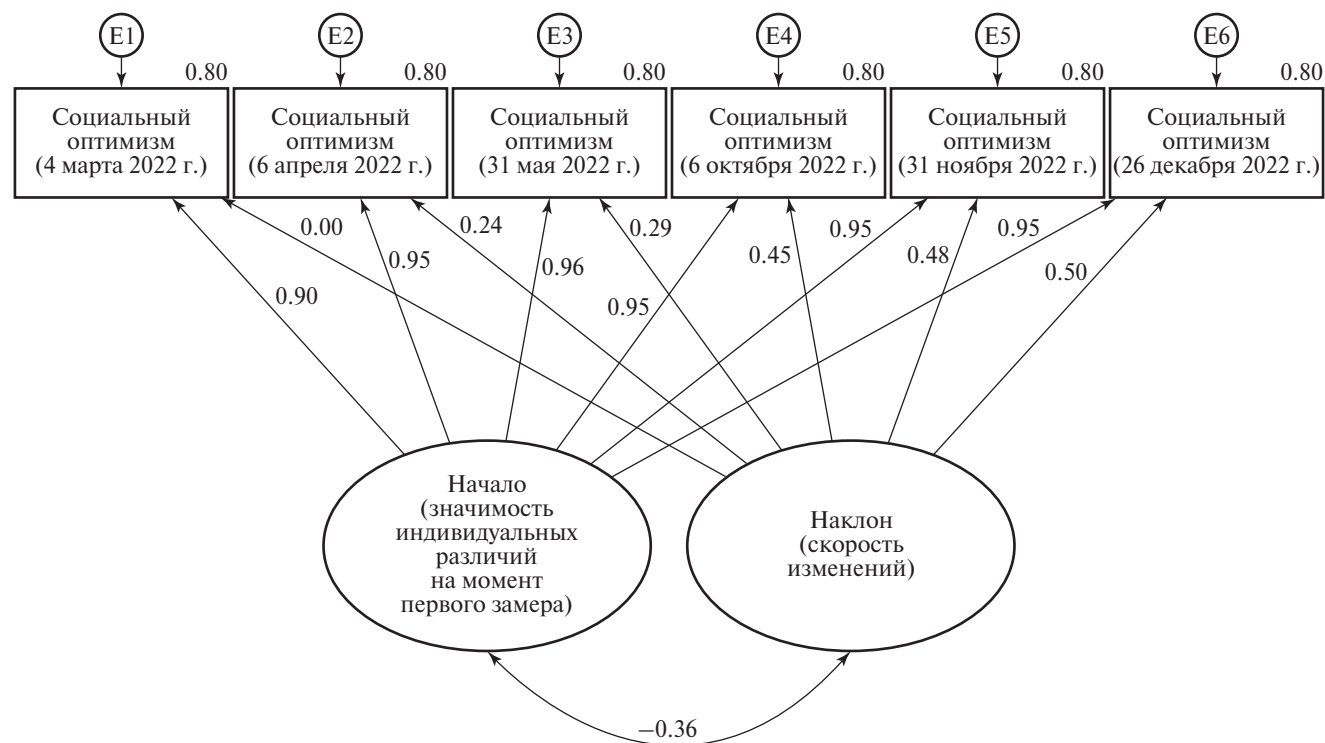
Переменные	M	SD	Асимметрия ($S.E.$)	Экссесс ($S.E.$)
Социальный оптимизм (4 марта)	3.03	1.03	-0.143 (0.095)	-0.617 (0.189)
Социальный оптимизм (6 апреля)	2.93	1.04	-0.039 (0.095)	-0.639 (0.189)
Социальный оптимизм (31 мая)	3.06	1.01	-0.114 (0.114)	-0.485 (0.227)
Социальный оптимизм (6 октября)	2.91	1.02	0.033 (0.095)	-0.575 (0.189)
Социальный оптимизм (31 ноября)	2.92	0.97	-0.114 (0.104)	-0.568 (0.208)
Социальный оптимизм (26 декабря)	2.95	0.99	-0.073 (0.111)	-0.617 (0.221)

Простая модель латентных изменений (рис. 1) продемонстрировала приемлемую пригодность (табл. 2). Значимость средних начала и наклона, а также отрицательное среднее значение наклона ($M = -0.114^{***}$; $SE = 0.030$) позволяют сделать вывод о том, что в интервале с марта по декабрь 2022 г. уровень социального оптимизма среди участников нашего исследования снижался. Значимость дисперсии начала показывает, что в начале марта наши респонденты различались между собой по уровню социального оптимизма, а значимость дисперсии наклона говорит о том, что степень снижения социального оптимизма в последующие месяцы была различна для разных испытуемых. Наконец отрицательная корреляция между началом и наклоном ($R = -0.364^{***}$) говорит о том, что чем выше был социальный оптимизм в начале марта 2022 г., тем быстрее он снижался в последующие месяцы. Изменение нагрузок наклона в шести

срезах лонгитюда показывает, что скорость снижения социального оптимизма быстрее всего росла между 4 марта и 6 апреля ($\beta = 0.240^{***}$), а затем — между 31 мая ($\beta = 0.290^{***}$) и 6 октября ($\beta = 0.445^{***}$), что может быть связано с осознанием последствий СВО и введенных в марте санкций, а затем — с начавшейся в конце сентября частичной военной мобилизацией.

На втором этапе нами было построено несколько моделей, позволяющих оценить вклад социально-демографических и личностных характеристик в динамику уровня социального оптимизма. Все модели оказались пригодными по двум из трех критериев соответствия эмпирическим данным, дисперсии всех переменных значимы на уровне $p < 0.001$. Пример модели представлен на рис. 2.

Как видно из табл. 3, стабилизирующее влияние на социальный оптимизм оказывают социальное

$$\chi^2 = 65.807; df = 17; p = 0.000; TLI = 0.982; CFI = 0.985; RMSEA = 0.066; 90\% CI [Lo = 0.049; Hi = 0.083]$$

Рис. 1. Простая модель латентных изменений уровня социального оптимизма

Таблица 2. Средние значения, дисперсии и ковариация показателей социального оптимизма в шести срезах лонгитюда

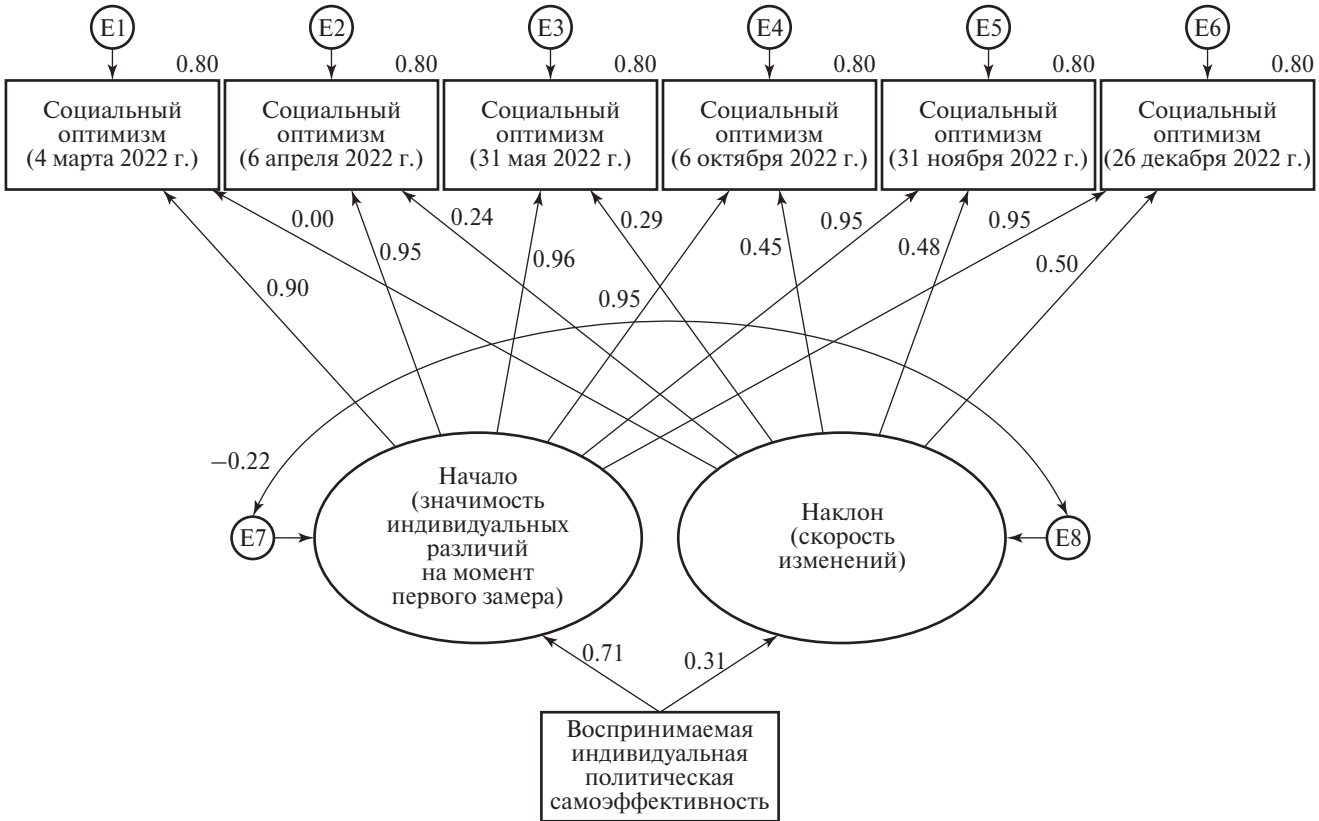
Латентные переменные	Значение	Стандартное отклонение	Значимость (<i>p</i>)
<i>Средние</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>)	3.021	0.040	<0.001
Наклон (<i>SLOPE</i>)	−0.114	0.030	<0.001
<i>Дисперсия</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>)	0.906	0.059	<0.001
Наклон (<i>SLOPE</i>)	0.253	0.040	<0.001
<i>Ковариация</i>			
Начало (<i>INCEPT</i>) ⇔ Наклон (<i>SLOPE</i>)	−0.174	0.035	<0.001

Показатели соответствия модели эмпирическим данным: $\chi^2 = 65.807$; $df = 17$; $p < 0.001$; $TLI = 0.982$; $CFA = 0.985$; $RMSEA = 0.066$, 90% CI [0.049; 0.083].

благополучие, значимость либеральных и консервативных моральных оснований, сопереживание, гражданская идентичность, доверие к социальным институтам и в наибольшей степени — субъективный контроль и воспринимаемая политическая самоэффективность. Социальный цинизм и антиэлитные установки усиливали скорость снижения социального оптимизма. Среди социально-демографических характеристик на динамику социального оптимизма влиял только пол респондентов: женщины быстрее утрачивали социальный оптимизм, чем мужчины.

Все остальные рассмотренные нами индивидуально-психологические переменные ослабляют или усиливают изначальный уровень социального оптимизма, но не сказываются на его последующей динамике.

На третьем шаге анализа нами было построено несколько путевых моделей, в которых были объединены выявленные нами на предыдущем этапе предикторы наклона. Введение одних переменных ослабляло или полностью нивелировало эффекты

$\chi^2 = 70.721$; $df = 21$; $p = 0.000$; $TLI = 0.982$; $CFI = 0.986$; $RMSEA = 0.060$; 90% CI [$Lo = 0.045$; $Hi = 0.075$]

Рис. 2. Модель латентных изменений уровня социального оптимизма с воспринимаемой индивидуальной политической самоэффективностью в качестве предиктора начала и наклона

Таблица 3. Показатели пригодности моделей и вклад потенциальных предикторов в латентные факторы начала и наклона динамики социального оптимизма

Предикторы	$\chi^2 (df)$	CFI	RMSEA, 90% CI	Вклад предиктора в <i>Intercept</i> (β)	Вклад предиктора в <i>Slope</i> (β)
Уровень депрессии (PHQ-2)	71.811 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.076]	−0.330***	0.016
Уровень тревоги (GAD-2)	68.546 (21)	0.986	0.058 [0.043; 0.074]	−0.244***	0.021
Тревога по поводу собственного будущего	66.509 (21)	0.987	0.057 [0.042; 0.073]	−0.566***	0.097
Страхи по поводу последствий СВО и экономических санкций	70.565 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.075]	−0.435***	0.049
Эмоциональное благополучие (счастье, удовлетворенность жизнью, интерес к ней)	68.672 (21)	0.986	0.059 [0.043; 0.074]	0.334***	−0.008
Социальное благополучие (оценка своего вклада в общество, ощущение принадлежности, позитивная направленность развития общества)	72.551 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.560***	−0.180**
Психологическое благополучие (принятие себя, способность справляться с потоком задач, позитивные отношения, личностный рост)	72.424 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.407***	−0.077
Позитивное переформулирование как стратегия совладания	66.630 (21)	0.986	0.057 [0.042; 0.073]	0.299***	−0.083
Использование эмоциональной поддержки как стратегия совладания	71.015 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.076]	−0.090*	−0.006
Диспозиционный оптимизм	80.265 (21)	0.983	0.065 [0.050; 0.081]	0.596***	−0.046
Генерализованное доверие	79.630 (21)	0.983	0.065 [0.050; 0.080]	0.430***	−0.045
Этика автономии (MFQ): ориентация на индивидуализирующие моральные основания заботы о людях и справедливости	70.054 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.050	−0.142**
Этика сообщества (MFQ): ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе, чистоты и святости	70.054 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	0.461***	−0.132*
Вера в опасный мир	70.265 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	−0.399***	0.101
Вера в справедливость мира	76.765 (21)	0.984	0.063 [0.048; 0.079]	0.530***	−0.019
Конспирологическое мировоззрение	72.294 (21)	0.985	0.058 [0.043; 0.074]	−0.301***	0.085
Социальный цинизм	67.755 (21)	0.986	0.072 [0.057; 0.086]	−0.343***	0.127*
Воспринимаемая социальная поддержка в условиях кризиса	66.229 (21)	0.987	0.057 [0.042; 0.073]	0.434***	−0.133*
Самоеффективность в условиях кризиса	71.518 (21)	0.986	0.060 [0.045; 0.076]	0.550***	−0.105
Субъективный контроль: оценка зависимости своего будущего через 5 лет от собственных усилий	69.821 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.409***	−0.181**
Воспринимаемая предсказуемость собственного будущего через 5 лет	68.465 (21)	0.986	0.058 [0.043; 0.074]	0.474***	−0.071
Доверие к институтам гражданского общества: бизнесу, массовым общественным организациям, благотворительным фондам	70.006 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	0.589***	−0.195***
Доверие к федеральной власти: президенту, правительству, Госдуме, официальным СМИ	77.363 (21)	0.985	0.064 [0.049; 0.079]	0.805***	−0.234***
Оправдание социальной системы: вера в справедливое устройство российского общества	68.015 (21)	0.988	0.058 [0.043; 0.074]	0.837***	−0.248***

Окончание табл. 3

Предикторы	$\chi^2 (df)$	<i>CFI</i>	<i>RMSEA</i> , 90% <i>CI</i>	Вклад предиктора в <i>Intercept</i> (β)	Вклад предиктора в <i>Slope</i> (β)
Поддержка специальной военной операции в Украине	75.318 (21)	0.985	0.062 [0.048; 0.078]	0.598***	–0.088
Сопереживание к пострадавшим во время военного конфликта в Украине	69.794 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	0.154***	–0.188**
Гражданская идентичность	72.079 (21)	0.986	0.061 [0.046; 0.076]	0.665***	–0.168**
Культурный патриотизм (гордость историей и культурой своей страны)	72.943 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.077]	0.568***	–0.064
Некритичное отношение к стране (убеждение в недопустимости критики своей страны)	76.796 (21)	0.984	0.063 [0.048; 0.079]	0.537***	–0.072
Авторитаризм правого толка	76.976 (21)	0.984	0.063 [0.049; 0.079]	0.497***	–0.058
Антиэлитизм: негативное отношение к политической элите (субшкала популизма)	70.175 (21)	0.986	0.059 [0.044; 0.075]	–0.571***	0.144*
Воспринимаемая индивидуальная политическая самоэффективность	70.721 (21)	0.986	0.060 [0.045; 0.075]	0.706***	–0.305***
Воспринимаемая коллективная политическая самоэффективность	76.102 (21)	0.985	0.061 [0.046; 0.076]	0.728***	–0.475***
Пол (женский)	70.888 (21)	0.985	0.060 [0.045; 0.075]	–0.128***	0.134*
Возраст	74.278 (21)	0.984	0.062 [0.047; 0.077]	0.123**	0.015
Уровень доходов	68.993 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.074]	0.147***	0.028
Уровень образования	69.327 (21)	0.985	0.059 [0.044; 0.075]	–0.140***	0.029

Примечание. *** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$; df — степени свободы; *CFI* — comparative fit index (сравнительный индекс согласия); *RMSEA* — root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации); все предикторы измерялись во время первого среза 3–4 марта 2022 г.

других, что привело к сокращению числа рассматриваемых предикторов в модели.

Наибольшее соответствие эмпирическим данным продемонстрировала модель, представленная на рис. 3 ($\chi^2 = 190.680$; $df = 46$; $p < 0.001$; $TLI = 0.961$; $CFI = 0.973$; $RMSEA = 0.069$; 90% *CI* [0.059; 0.079]). Все дисперсии и стандартизированные веса значимы на уровне $p < 0.001$.

Как видно из рисунка, доверие к власти, гражданская идентичность и коллективная политическая самоэффективность вносят вклад в первоначальный уровень социального оптимизма, но дальнейшая его динамика связана в наибольшей степени с коллективной политической самоэффективностью.

Еще одним предиктором устойчивости социального оптимизма оказалась ориентация на “этику автономии”, то есть значимость заботы о людях и справедливости при оценке своего и чужого поведения. При этом “этика сообщества” (консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) усиливает доверие федеральной власти и гражданскую идентичность и таким образом тоже опосредованно влияет на устойчивость социального оптимизма.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целом полученные нами результаты хорошо согласуются с данными проведенных ранее исследований. Так, ранее мы обнаружили связь социального оптимизма с верой личности в собственные силы [7]. В данном исследовании эта связь впервые подтверждена на основе лонгитюдных данных: социальный оптимизм более устойчив среди респондентов, которые верят в то, что их будущее в среднесрочной перспективе зависит от их усилий. Из предшествующих исследований мы знаем, что даже нереалистичный оптимизм может играть конструктивную роль в совладании и связан с субъективным контролем [19].

Известно, что социальный оптимизм тесно связан с доверием к социальным институтам [7; 8; 11]. В нашем исследовании доверие к федеральной власти и к институтам гражданского общества не только усиливало первоначальный уровень социального оптимизма, но и поддерживало его в последующие месяцы. Это может объясняться тем, что вера в благополучное преодоление обществом стоящих перед ним трудностей основывается на оценке способности граждан и государства

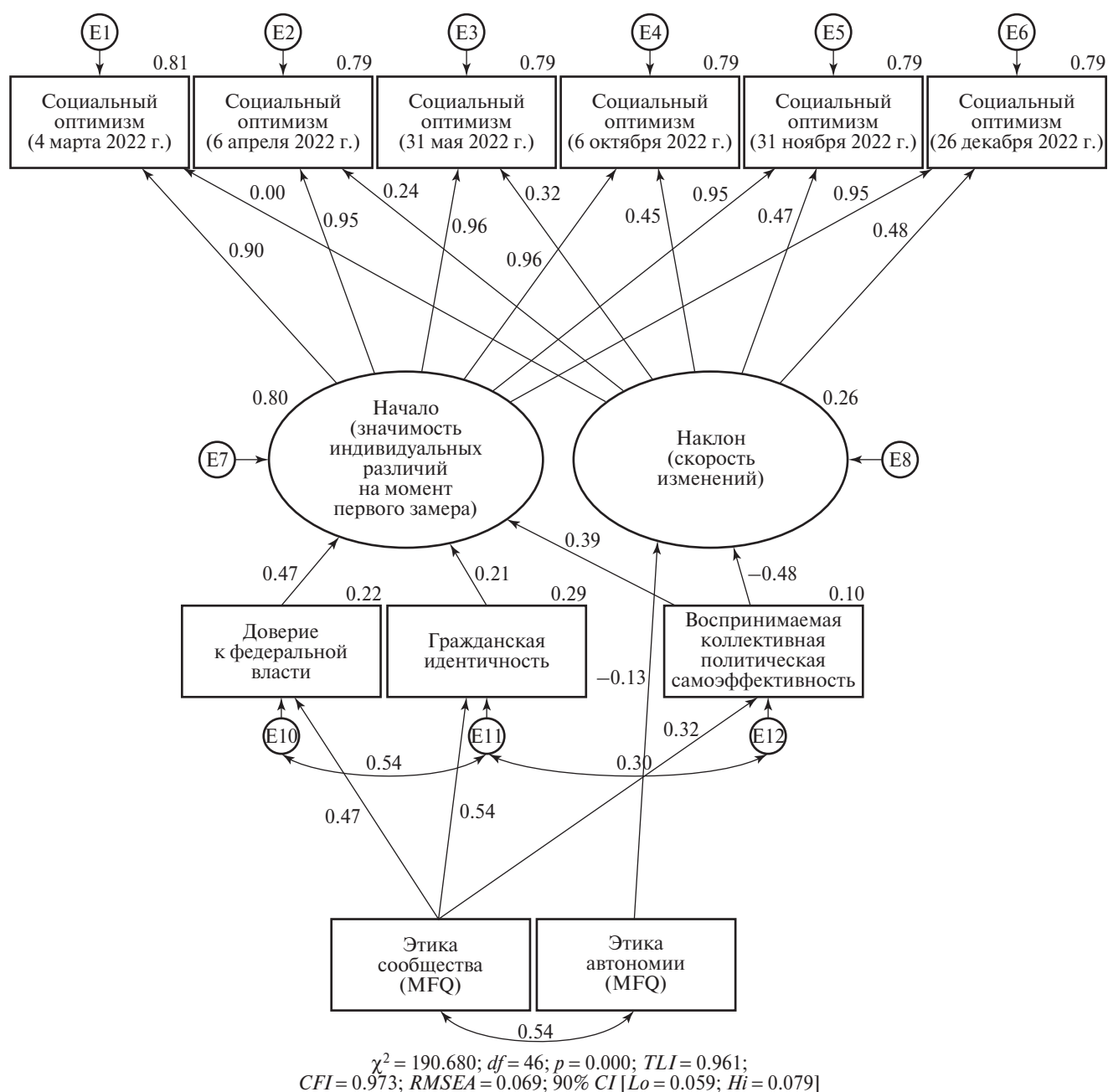

Рис. 3. Предикторы начала и наклона динамики социального оптимизма (путевая модель)

добиваться успехов с помощью спланированных, организованных “снизу” или “сверху” действий.

Выявленная нами стабилизирующая роль доверия к власти и оправдания социальной системы может быть связана с эффектом “сплочения вокруг флага” в условиях трудноконтролируемой угрозы [4; 24]. Иными словами, доверие к власти и вера в справедливое устройство общества могут облегчать опору на позитивный образ коллективного будущего как компенсаторный механизм защиты позитивной групповой идентичности при наличии образа внешнего врага.

Важным результатом исследования стали данные, указывающие на то, что устойчивость социального оптимизма поддерживается одновременно либеральными и консервативными моральными основаниями [10]. Ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости усиливает групповую идентификацию и тем самым повышает значимость коллективного будущего для личности. Ориентация на “индивидуализирующие” моральные основания заботы о людях и справедливости может ослаблять групповую идентификацию, но при этом усиливать готовность к сопереживанию и значимость

взаимопомощи. Именно этим, на наш взгляд, может объясняться стабилизирующее влияние либеральных моральных оснований на социальный оптимизм, при том что первоначальный его уровень от них не зависел. При этом, как мы и ожидали, социальный оптимизм снижался быстрее у респондентов, характеризующихся социальным цинизмом, затрудняющим обращение за помощью. На ценность взаимопомощи как основание социального оптимизма указывает и то, что его уровень на протяжении 2022 г. был устойчивее у респондентов, которые были более склонны к сопереживанию жертвам российско-украинского конфликта, а также выше оценивали социальную поддержку — наличие людей, на которых можно положиться в условиях кризиса. Эти данные хорошо согласуются также с результатами наших исследований, проведенных в период пандемии и показавших, что выраженность эмпатии усиливает долгосрочную ориентацию личности [7; 8].

Тем не менее нами не было обнаружено связи между скоростью изменений социального оптимизма и политическими верованиями: верой в опасный мир, верой в справедливость мира и конспирологическим мировоззрением, поддержкой СВО, культурным патриотизмом, авторитаризмом и некритичным отношением к своей стране. Можно предположить, что данные представления могут поддерживать социальный оптимизм или снижать его в зависимости от позитивной или негативной интерпретации событий, происходивших в военной, политической и социальной сферах, а также в зависимости от сочетания с другими политическими установками.

Мы не обнаружили связь скорости изменений уровня социального оптимизма с показателями эмоционального благополучия, диспозиционным оптимизмом, а также со стратегиями совладания. Изучение реакции людей на природные бедствия показывает, что нереалистичный пессимизм может сменяться нереалистичным оптимизмом [16], так что можно предположить, что отсутствие немедленных эффектов от наложенных санкций на фоне первоначальных панических настроений и выраженной тревожно-депрессивной симптоматики могло провоцировать завышенные ожидания в период весны и лета 2022 г. Отсутствие связи стратегий копинга со скоростью изменения социального оптимизма может объясняться тем, что они задействуются в начале кризиса, их роль ослабевает по мере привыкания к ситуации неопределенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования позволяют выдвинуть предположение о существовании двух дополняющих друг друга механизмов поддержания социального оптимизма: через усиление гражданской идентификации и значимости коллективного будущего для личности (эту роль выполняет ориентация на консервативные моральные основания уважения к власти, лояльности своей группе и святости) и через сопереживание и усиление значимости взаимопомощи в условиях кризиса (под влиянием “индивидуализирующих” моральных оснований заботы о людях и справедливости).

В целом наше исследование позволяет сделать вывод о том, что для поддержки социального оптимизма в условиях кризиса необходимы меры, направленные на укрепление уверенности граждан в своей способности влиять на собственное настоящее и будущее, ценностей сопереживания и взаимной поддержки, а также доверия к социальным институтам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров С. Ожидания от будущего: взгляды оптимистов и пессимистов // Левада-центр. 2020. 24 ноября [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (дата обращения: 22.11.2022)
2. Гулевич О., Кривошеков В., Шмыгалева С. Политический цинизм: русскоязычная шкала для измерения негативного отношения к политикам // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 73.
3. Донцов А.И., Зеленов И.А. О связи категоризации социального окружения (“своих”, “чуждых”, “иных”) с оптимизмом/пессимизмом у россиян // Развитие личности. 2010. № 1. С. 134–150.
4. Казун А.Д. Эффект “*rally around the flag*”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.
5. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
6. Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и типы долгосрочной ориентации: результаты эмпирического исследования // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 28–39.
7. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // Социодиггер. 2021. Т. 2. № 9 (14); Горизонты будущего. С. 6–48.

8. *Нестик Т.А.* Переживание эпидемиологической угрозы россиянами как социально-психологический феномен: результаты серии эмпирических исследований // Влияние пандемии на личность и общество: психологические механизмы и последствия / Отв. ред. Т.А. Нестик, А.Л. Журавлев, А.Е. Воробьева. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2021. С. 19–125.
9. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2018.
10. *Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И.* Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115.
11. *Темницкий А.Л.* Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 19–35.
12. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
13. *Arbuckle J.L.* Full information estimation in the presence of incomplete data // Advanced Structural Equation Modeling: Issues and Techniques / Eds. G.A. Marcoulides, R.R. Schumacker. Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.
14. *Bandura A.* Exercise of human agency through collective efficacy // Current Directions in Psychological Science. 2000. V. 9. № 3. P. 75–78.
15. *Birkeland M.S., Blix I., Solberg Ø., Heir T.* Does optimism act as a buffer against posttraumatic stress over time? A longitudinal study of the protective role of optimism after the 2011 Oslo bombing // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2017. V. 9. № 2. P. 207–213.
16. *Burger J.M., Palmer M.L.* Changes in and generalization of unrealistic optimism following experiences with stressful events: reactions to the 1989 California earthquake // Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. V. 18. № 2. P. 39–43.
17. *Duncan T.E., Duncan S.C.* An introduction to latent growth curve modeling // Behavior Therapy. 2004. V. 35. № 2. P. 333–363.
18. *Izydorczak K., Antoniuk K., Kulesza W., Muniak P., Doliński D.* Temporal aspects of unrealistic optimism and robustness of this bias: A longitudinal study in the context of the COVID-19 pandemic // PLoS One. 2022. V. 17. № 12. P. 1–17.
19. *Jefferson A., Bortolotti L., Kuzmanovic B.* What is unrealistic optimism? // Consciousness and Cognition. 2016. V. 50. P. 3–11.
20. *Jin B., Kim Y.-C.* Rainbows in society: A measure of hope for society // Asian Journal of Social Psychology. 2019. V. 22. № 1. P. 18–27.
21. *Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V.* The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust // Politologija. 2017. V. 85. № 1. P. 3–55.
22. *Muncy J., Iyer R.* The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption // Psychology & Marketing. 2020. V. 37. № 2. P. 216–231.
23. *Pietrantonio L.* Collective efficacy // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research / Ed. A.C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014.
24. *Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E.* Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat // Cognition and Emotion. 2019. V. 33. P. 480–491.
25. *Preacher K.J.* Latent growth curve models // The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences / Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. P. 178–192.
26. *Schweizer K., Rauch W.* An investigation of the structure of the social optimism scale with respect to the dimensionality problem // Journal of Individual Differences. 2008. V. 29. № 4. P. 223–230.
27. *Schweizer K., Schneider R.* Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome // Personality and Individual Differences. 1997. V. 22. P. 317–325.

SOCIAL OPTIMISM OF RUSSIANS IN A CRISIS: RESULTS OF A LONGITUDINAL STUDY²

T. A. Nestik

*Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

PhD (Psychology), Professor, Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology.

E-mail: nestik@gmail.com

Received 29.01.2023

Abstract. The article considers the main approaches to the study of social optimism as a socio-psychological phenomenon, highlights its theoretical structure and functions. The results of a longitudinal empirical study conducted among adult Russians ($N = 664$, six measurements) from March 3 to December 26, 2022 and aimed at identifying the socio-psychological antecedents of the stability of social optimism in the conditions of crisis are presented. It is shown that social optimism is directly related to personal characteristics that underlie the resilience: self-efficacy, perceived control, dispositional optimism, positive reframing and seeking emotional support in a critical situation. The study reveals that perceived control increases the stability of the individual's social optimism in a crisis. The higher the social well-being of the individual, the belief in his ability to contribute to the development of society, the more stable is social optimism. The hypothesis is confirmed that social optimism is enhanced by socio-psychological characteristics that facilitate the consolidation of efforts for a joint response to the challenges of the crisis: civic identity; perceived social support; empathy for others affected by the war; generalized trust; trust in civil society institutions; as well as political self-efficacy, that is, the belief in the ability to influence political decisions made in the country. On the contrary, social optimism is negatively associated with belief in a dangerous world, social cynicism, and a conspiracy worldview. The main contribution to the stability of social optimism is made by collective political self-efficacy, while social cynicism accelerates its decline. The results of the study made it possible to suggest the existence of two complementary mechanisms for maintaining social optimism: through strengthening civic identification and the importance of the collective future for the individual (this role is played by moral foundations of respect for authority, loyalty to one's group and sanctity) and through empathy and strengthening the importance of mutual assistance in a crisis (under the influence of "individualizing" moral foundations of caring for people and fairness).

Keywords: social psychology, social optimism, collective self-efficacy, positive illusions, civic identity, social system justification, institutional trust, psychological well-being, moral foundations.

REFERENCES

1. *Goncharov S.* Ozhidaniya ot budushhego: vzglyady optimistov i pessimistov. Levada-centr. 2020. 24 nojabrja [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/24/ozhidaniya-ot-budushhego-vzglyady-optimistov-i-pessimistov> (data obrashheniya: 22.11.2022) (In Russian)
2. *Gulevich O., Krivoshekov V., Shmygaleva S.* Politicheskij cinizm: ruskoyazychnaya shkala dlja izmerenija negativnogo otnoshenija k politikam. Psihologicheskie issledovaniya. 2020. V. 13. № 73. (In Russian)
3. *Doncov A.I., Zelenev I.A.* O svyazi kategorizacii social'nogo okruzheniya ("svoih", "chuzhdyh", "inyh") s optimizmom/pessimizmom u rossijan. Razvitie lichnosti. 2010. № 1. P. 134–150. (In Russian)
4. *Kazun A.D.* Jefferkt "rally around the flag". Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremja tragedij i mezhdunarodnyh konfliktov?. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 1. P. 136–146. (In Russian)
5. *Nestik T.A.* Kollektivnyj obraz budushhego: social'no-psihologicheskie aspekty prognozirovaniya. Voprosy psihologii. 2014. № 1. P. 3–13. (In Russian)
6. *Nestik T.A.* Social'no-psihologicheskie predposylki i tipy dolgosrochnoj orientacii: rezul'taty jempiricheskogo issledovaniya. Psihologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 28–39. (In Russian)
7. *Nestik T.A.* Obraz budushhego, social'nyj optimizm i dolgosrochnaja orientacija rossijan: social'no-psihologicheskij analiz. SocioDigger. 2021. V. 2. № 9 (14): Gorizonty budushhego. P. 6–48. (In Russian)
8. *Nestik T.A.* Perezhivanie jepidemiologicheskoy ugrozy rossijanami kak social'no-psihologicheskij fenomen:

² The study was carried out within the framework of the project "Socio-Psychological Factors in Constructing the Image of the Future of Russia by Different Generations of Russians in Crisis Conditions" (№ 0138-2022-0010).

- rezul'taty serii jempiricheskikh issledovanij. Vlijanie pandemii na lichnost' i obshhestvo: psihologicheskie mehanizmy i posledstviya. Eds. T.A. Nestik, A.L. Zhuravlev, A.E. Vorob'eva. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. P. 19–125. (In Russian)
9. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psihologija global'nyh riskov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
 10. *Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I.* Diagnostika moral'nyh osnovanij: aprobacija russkojazychnoj versii oprosnika MFQ. Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2018. V. 15. № 3. P. 88–115. (In Russian)
 11. *Temnickij A.L.* Sociokul'turnye faktory optimizma sovremennoj molodezhi Rossii // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2016. V. 4. № 4. P. 19–35. (In Russian)
 12. *Toshhenko Zh.T.* Social'noe nastroyenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki. Sociologicheskie issledovaniya. 1998. № 1. P. 21–34. (In Russian)
 13. *Arbuckle J.L.* Full information estimation in the presence of incomplete data. Advanced Structural Equation Modeling: Issues and Techniques. Eds. G.A. Marcoulides, R.R. Schumacker. Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum Associate, 1996.
 14. *Bandura A.* Exercise of human agency through collective efficacy. Current Directions in Psychological Science. 2000. V. 9. № 3. P. 75–78.
 15. *Birkeland M.S., Blix I., Solberg Ø., Heir T.* Does optimism act as a buffer against posttraumatic stress over time? A longitudinal study of the protective role of optimism after the 2011 Oslo bombing. Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2017. V. 9. № 2. P. 207–213.
 16. *Burger J.M., Palmer M.L.* Changes in and generalization of unrealistic optimism following experiences with stressful events: reactions to the 1989 California earthquake. Personality and Social Psychology Bulletin. 1992. V. 18. № 2. P. 39–43.
 17. *Duncan T.E., Duncan S.C.* An introduction to latent growth curve modeling. Behavior Therapy. 2004. V. 35. № 2. P. 333–363.
 18. *Izydorczyk K., Antoniuk K., Kulesza W., Muniak P., Doliński D.* Temporal aspects of unrealistic optimism and robustness of this bias: A longitudinal study in the context of the COVID-19 pandemic. PLoS One. 2022. V. 17. № 12. P. 1–17.
 19. *Jefferson A., Bortolotti L., Kuzmanovic B.* What is unrealistic optimism? Consciousness and Cognition. 2016. V. 50. P. 3–11.
 20. *Jin B., Kim Y.-C.* Rainbows in society: A measure of hope for society. Asian Journal of Social Psychology. 2019. V. 22. № 1. P. 18–27.
 21. *Matonytė I., Morkevičius V., Lašas A., Jankauskaitė V.* The perception of threats to national welfare: the impact of social optimism, self-confidence, and of social and institutional trust. Politologija. 2017. V. 85. № 1. P. 3–55.
 22. *Muncy J., Iyer R.* The impact of the implicit theories of social optimism and social pessimism on macro attitudes towards consumption. Psychology & Marketing. 2020. V. 37. № 2. P. 216–231.
 23. *Pietrantonio L.* Collective efficacy. Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Ed. A.C. Michalos. Dordrecht: Springer, 2014.
 24. *Porat R., Tamir M., Wohl M.J., Gur T., Halperin E.* Motivated emotion and the rally around the flag effect: liberals are motivated to feel collective angst (like conservatives) when faced with existential threat. Cognition and Emotion. 2019. V. 33. P. 480–491.
 25. *Preacher K.J.* Latent growth curve models. The reviewer's guide to quantitative methods in the social sciences. Eds. G.R. Hancock, L.M. Stapleton, R.O. Mueller. N.Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. P. 178–192.
 26. *Schweizer K., Rauch W.* An investigation of the structure of the social optimism scale with respect to the dimensionality problem. Journal of Individual Differences. 2008. V. 29. № 4. P. 223–230.
 27. *Schweizer K., Schneider R.* Social optimism as generalized expectancy of a positive outcome. Personality and Individual Differences. 1997. V. 22. P. 317–325.